
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923:316.624

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ РАДИКАЛИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА

С.Б. Целиковский

*Южный
федеральный
университет,
г. Ростов-на-Дону*

e-mail: sts@rsu.ru

Статья посвящена роли психологических механизмов агрессивности в формировании предпосылок радикализма, экстремизма, терроризма.

Ключевые слова: психология, агрессивность, радикализм, экстремизм, терроризм.

Конкретные террористические акты и экстремистские акции как проявления экстремизма и терроризма необходимо отделять от их глубинных причин, от их источников, которые далеко не всегда лежат на поверхности. Невозможно справиться с этими серьёзными проблемами, не устраняя их причин. Симптоматическое лечение таких тяжелых социальных болезней, как экстремизм и терроризм, только загоняет болезни внутрь, усугубляя её дальнейшие проявления. Если мы не умеем или не желаем выявлять их коренные причины, долговременные факторы, которые воздействуют на общество как систему, то будем заниматься лишь симптоматическим лечением. Причём сама борьба с проявлениями терроризма и экстремизма может принимать чрезвычайный характер, с соответствующими негативными социальными последствиями. Физическое уничтожение террористов не равнозначно борьбе с терроризмом. Противодействие экстремизму не может сводиться к арестам и осуждению экстремистов. На месте одного уничтоженного террориста и наказанного экстремиста могут появиться новые.

Необходимо понимать, каковы психологические, идеологические и прочие предпосылки и механизмы рекрутирования новых членов общества в ряды экстремистов и террористов. Тогда противодействие этим явлениям может быть смещено на ослабление таких предпосылок и разрушение возникших механизмов на уровне больших социальных групп и общества в целом.

Собираясь чему-либо противодействовать, прежде всего, важно чётко определить объект противодействия. Оперирование понятиями «радикализм», «экстремизм», «терроризм» требует особой осторожности и тщательности – как в теоретической трактовке содержания этих понятий, так и в выявлении признаков этих явлений в тех или иных образцах физического и вербального поведения.

Остановимся коротко на содержании трёх понятий, вынесенных в заголовок. Эти термины произведены с помощью суффикса «изм» от прилагательных «радикальный», «экстремальный» и существительного «террор» соответственно. Общепринятое значение слова «радикальный» – решительный, коренной, действенный, существенно изменяющий. Говорят о радикальном решении, способе, средстве. «Экстремальный» – крайний, предельный, максимальный. Употребляют словосочетания «экстремальная нагрузка»,

«экстремальное напряжение», «экстремальные меры», часто в значении – последние, к которым стоит прибегать.

Прежде всего заметим, что «радикальный» – это совсем не обязательно «экстремальный», хотя в журналистской и экспертной практике можно найти немало примеров смешения этих понятий. Заметим далее, что ни в том, ни в другом определении нет изначального однозначно негативного смысла. Так, врач, прибегающий к такому радикальному способу лечения, как операция по удалению опухоли (в противовес умеренному, консервативному лечению), или даже к такому экстремальному варианту, как ампутация поражённого органа целиком, вряд ли будет безоговорочно осуждён его коллегами без предварительного выяснения того, насколько принятое решение было адекватно состоянию больного. Аналогичным образом можно расценивать различные взгляды и позиции в социально-политической сфере. Например, в случае негативной оценки деятельности правительства умеренным был бы призыв к корректировке его работы в нынешнем составе, радикальным – к замене некоторых ключевых фигур, а экстремальным – к отставке правительства в целом. Причём все три предлагаемых и пропагандируемых решения в принципе являются вполне легитимными. Следовательно, само по себе обнаружение признаков «экстремальности» (и тем более «радикальности») в чьих-либо публичных высказываниях, решениях или действиях не может являться основанием ни для общественного осуждения, ни для привлечения к административной и уголовной ответственности. Кстати, недавние экстремальные военные действия российского правительства по «принуждению Грузии к миру» и радикальные политические решения по признанию Абхазии и Южной Осетии выглядят вполне обоснованными и своевременными и получили широкое одобрение в стране.

Положение изменяется, когда мы применяем словообразовательную частицу «изм». Вместо характеристики отдельного действия – акта поведения, конкретного суждения, умозаключения, призыва и т.д., мы получаем некое «направление», «систему», «склонность», «состояние», «тенденцию». Однако, чтобы сделать подобный вывод, нужно, во-первых, за определённым набором конкретных высказываний или действий усмотреть те самые «направление», «систему», «склонность». А ведь в подобном обобщении всегда есть момент субъективности и произвола. Во-вторых, надо доказать, что выбор радикальных или экстремальных форм, способов, средств, позиций, взглядов является не адекватным или вынужденным ответом на сложившуюся ситуацию, поставленную задачу и т.д., а неким системным, устойчивым предпочтением, присущим именно этому индивидуальному или коллективному субъекту – предпочтением, определяющим выбор этого субъекта в разных ситуациях, доминируя над логикой целесообразности, обоснованности, избегания негативных последствий и пр.

По наиболее распространённому мнению, рассматриваемые «измы» – радикализм, экстремизм, терроризм находятся друг с другом в соотношении «род – вид – подвид». Экстремизм выступает как крайнее проявление радикализма, а терроризм – как предельный экстремизм. Д.В. Ольшанский пишет, что «... понятие «экстремизм» (от ... латинского *extremis* – крайний) означает приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям. Психологически это продолжение и дальнейшее развитие радикализма» [5; 225]. И далее: «Психологически терроризм – естественное продолжение радикализма, экстремизма и фанатизма» [5; 257].

Рассматривая определение экстремизма в первой из приведённых цитат через «приверженность в ... идеологии крайним взглядам и действиям», можно увидеть два важных следствия.

Первое – сама идеология (как система идей, мифов, лозунгов и т.п.) здесь явно не указывается, важна крайность взглядов и действий, связанных с ней. То есть, теоретически любая идеология может приобретать экстремистские формы выражения и реализации. В этом смысле «своей», «специфической» идеологии экстремизма и терроризма не существует. Однако далее попытаемся показать, что всё же существуют типы идеологий, в большей степени располагающие к экстремизму в оценках, лозунгах, действиях, нежели другие.

Второе. «Приверженность» – это психологическая категория. Если речь идёт об отдельном человеке, то приверженность вообще – это характеристика, прежде всего, его

мотивационной сферы, констатация стойкого мотива мыслить и действовать в соответствии с принятыми взглядами, убеждениями, сложившимися отношениями, невзирая на препятствия и противоречия. Однако «приверженность крайним взглядам и действиям» – это ещё и характеристика когнитивной сферы, всего ментального строя личности. Таким образом, индивидуальный экстремизм – это стилевая характеристика личности, определяющая высокую вероятность выбора ею крайних точек зрения, предельных средств и способов достижения выбранных целей, крайние варианты самих целей.

По своему психологическому смыслу «приверженность крайним взглядам и действиям» очень близка к смыслу, вкладываемому в индивидуальное свойство «агрессивность» с позиций концепции «агрессии» как одной из стратегий поискового поведения [4]. В рамках этой концепции выделен ряд специфических признаков «стратегии агрессии». Первый заключается в стабильности, резистентности диспозиций субъекта по отношению к препятствующей ситуации – столкновение с препятствиями не ослабляет и не перенаправляет его мотивацию, а только усиливает его экспансию, его стремление к расширению возможностей удовлетворения мотивов путём деструкции депривированных и фрустрирующих факторов, их носителей и источников – ситуации, предметов, других субъектов. Сам субъект, его свойства, оценки, взгляды, отношения остаются неизменными и даже получают дополнительное подкрепление.

Вторым признаком является то, что агрессия всегда адресована другому субъекту. Об этом свидетельствует этимология слова «агрессия»: «aggredi» (лат.) – нападать. Вне системы взаимоотношений между индивидами агрессия не существует даже у животных. Когда речь идет о человеческой агрессии, то она всегда социально адресована, даже в тех случаях, когда непосредственным ее объектом являются предметы. Как подчеркивал С.Л. Рубинштейн, «почти всякое человеческое действие есть не только техническая операция по отношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий отношение к нему» [6; 362].

Соответственно, склонность (готовность, предрасположенность) прибегать к этой стратегии поведения выступает как свойство личности, характеризующееся как агрессивность. При этом в силу обобщенного, генерализованного характера этого свойства, его раннего проявления в онтогенезе есть все основания относить агрессивность к стилевым характеристикам личности. Сопоставляя агрессивность с вышеприведенной характеристикой индивидуального экстремизма, можно сказать, что он выступает результатом сочетания высокой агрессивности личности с максимализмом и антиномичностью её ментального строя.

Следует обратить внимание на то, что в психологии понятия «агрессия» и «агрессивность» не имеют однозначно негативного оттенка. Так, Э. Фромм выделял так называемые «доброкачественную» и «злокачественную» агрессию [8]. Доброкачественная агрессия носит оборонительный характер, возникает как ответ на реальную угрозу депривации витальных потребностей, биологически адаптивна, присуща как человеку, так и животным.

Злокачественной агрессия становится в следующих случаях. Во-первых, когда субъект ошибочно интерпретирует как угрожающие ситуацию, обстоятельства, явления, свойства и поведение других людей, в то время, как они не несут в себе реальной угрозы его потребностям.

Во-вторых, когда субъект реагирует агрессией не на саму угрозу, а лишь на тенденциозный прогноз её возникновения в будущем – так называемая «опережающая» агрессия. При этом и интерпретация актуальной ситуации, и прогноз будущих событий могут быть как собственными для субъекта, так и внушёнными, навязанными ему извне.

В-третьих, злокачественный характер агрессия приобретает, становясь реакцией на ограничение не истинных, витальных потребностей, а так называемых «квазипотребностей», «псевдопотребностей», сформированных в результате модифицирующего, регрессивного и/или деструктивного воздействия физической и социальной среды на субъекта. Так, например, может реагировать алкоголик или наркоман на угрозу алкогольной или наркотической депривации, властолюбец и карьерист – на угрозу ограничения власти

или карьеры, религиозный фанатик – на посягательство на святыни, возможность соблюдения религиозных канонов или исполнения обрядов.

Наконец, в-четвёртых, злокачественной является так называемая «самоцельная» агрессия. Она возникает в результате известного психологического механизма «функциональной автономии мотивов», описанного Г. Олпортом [10], иначе называемого «сдвигом мотива на цель» [2]. Агрессивные действия, которые раньше приносили позитивные переживания в связи с тем, что позволяли преодолеть препятствия на пути к удовлетворению жизненных потребностей субъекта, приобретают способность доставлять подобные переживания при их самоцельном воспроизведении, вне связи с какими-либо потребностями. Таким образом, у субъекта формируется и закрепляется самостоятельная квазипотребность в регулярном воспроизведении агрессивного поведения. Это поведение становится способом саморегуляции субъектом своего психического состояния [3]

Индивидуальный экстремизм, связан, на наш взгляд, прежде всего, именно со «злокачественным» типом агрессии, причём – со всеми вышеописанными его вариантами. Следовательно, он опирается на такие специфические особенности когнитивной, эмоционально-волевой и мотивационной сфер данной личности, как тенденциозность интерпретации и прогнозирования событий, подверженность стороннему психологическому воздействию (внушению, убеждению, манипуляции и т.п.), склонность к формированию квазипотребностей, выраженность и лёгкость возникновения эффектов «сдвига мотива на цель».

Переходя к анализу предпосылок группового экстремизма, отметим, что он не может быть объяснён лишь проведением прямых аналогий с экстремизмом индивидуальным (если не увлекаться метафорой «группа – метасубъект»). Экстремистски настроенная группа – это сложнее, чем некоторая совокупность индивидуальных экстремистов (хотя составлена она будет, скорее всего, именно из таких личностей). Должен быть объединяющий их и долговременно действующий фактор, внешний по отношению к её отдельным членам. Таким фактором, чаще всего, и выступает конкретная идеология – от примитивной расовой или классовой ксенофобии до развитого всеобъемлющего «учения», опирающегося на основоположников, адептов, пропагандистов и толкователей, канонические труды и т.д.

Анализ идеологий, оказавшихся наиболее «успешными» в качестве долговременной основы группового экстремизма, позволяет назвать их существенные отличительные признаки. Первый и ключевой признак – это вполне определённое разделение на «своих» и «чужих». При этом критерии определения «свой – чужой» должны быть предельно просты и однозначны, не допускать разных толкований, индивидуального подхода и исключений. Второй – это жёсткое связывание принадлежности к «чужим» с актуальной или потенциальной угрозой для «своих». Причём, угрозой по отношению не только (и не столько) физическому существованию «своих», но, чаще, их образу жизни, материальному и/или духовному благополучию, культуре, ментальности, нравственности, государственности и т.д.

Следующий важный признак – утверждение фатального характера различий между «своими» и «чужими». Например, различия по расовой, национальной, этнической принадлежности принципиально или практически «неисправимы» – значит, оправдывают экстремистские формы вербального и физического поведения по отношению к представителям «чуждой» расы, национальности, этноса и т.п. «Чужие» могут или должны быть поражены в правах, обмануты, унижены, презираемы, цинично использованы, изгнаны либо уничтожены, ведь превратить их в «своих» невозможно (да и не нужно!). Далее следует указать на обязательность жёстких стереотипов, касающихся психических свойств и поведения «своих» и «чужих», прогнозов и ожиданий их поведения в будущем, сочетающимися с примитивизацией представлений о «норме» и скудностью спектра вероятных и допустимых вариантов поведения.

Очередной ключевой момент в «экстремистски пригодных» идеологиях – кардинальные различия терминальной и инструментальной ценности «своих» и «чужих», их жизни, здоровья, достоинства, благополучия, самореализации, судьбы, продолжения в детях и внуках и т.д. С этим связаны и кардинальные различия в оценке допустимости средств, способов и линий поведения при построении и реализации отношений со «свои-

ми» и «чужими». В свою очередь, эти различия лежат в основе так называемых «двойных стандартов», «двойной морали» и подобных общественно-политических феноменов, столь часто выявляемых и обсуждаемых современными политологами, социологами, психологами.

Наконец, заключим этот, пока не исчерпывающий, список признаков идеологий, «подходящих» для обоснования экстремизма, выделением специфически толкуемого и предписываемого смысла жизни и деятельности. Такие идеологии отличает безусловное доминирование некоего «Большого Смысла» над «малым (индивидуальным, автономным) смыслом», по терминологии Б. Хюбнера [9]. Этот «Большой Смысл» прочно объединяет людей в сообщества, чаще всего закрытые, определяя общую канву индивидуального смысла жизни, глобальных целей, мифологическое пространство, ритуалы, основы взаимодействия и глобальные принципы иерархии. Он же «... задает основу социального существования индивида, формируя пространство разделенности и, тем самым, уменьшая напряжение от необходимости определять свой индивидуальный, уникальный, автономный маленький «смысл» или «смысл в жизни» как поиск значимых переживаний» [7]. Добавим, что принятие этого общего «Большого Смысла» освобождает и от обязанности самостоятельно обдумывать и принимать решения о тех или иных поступках, прогнозировать их социальные последствия и принимать за них личную ответственность.

Закрытые экстремистские сообщества, как правило, сегодня противопоставляют себя «открытым обществам». А в последних, как справедливо отмечает, в частности, Б. Хюбнер [9], с одной стороны, культивируется индивидуализм, а с другой – выдвигаются претензии на формирование «Супербольших Смыслов», основанных на общечеловеческих, «межкультурных» ценностях. Однако для отдельных личностей это часто выливается в отсутствие смысла жизни как такового, а для самих «открытых обществ» – в неспособность согласованно и эффективно противодействовать экстремизму и терроризму сообществ, вдохновлённых «Большим Смыслом» их ксенофобских идеологий.

Обозревая вышеперечисленные признаки «экстремистски пригодных» идеологий, мы обнаруживаем, что ими обладает большинство «учений», причём как тех, что оставили заметный след в человеческой истории ранее, так и управляющих умами больших человеческих общностей в настоящее время. Оценка с этих позиций идеологии немецкого национал-социализма или российского репрессивного социализма уже стала общим местом, гораздо полезнее обратиться к реалиям сегодняшнего дня. Разве идеология «чистого капитализма», провозглашающего примат экономических целей и ценностей над социальными и гуманитарными, не подпадает под эту категорию? Разве монетаристские подходы к управлению экономикой, а через неё обществом в целом не являются экстремистскими по своей сути? Разве основывающаяся на такой идеологии и таких подходах государственная политика не обесценивает рядового гражданина принципиально так же, как и экстремисты и террористы, отказывая ему в праве быть целью управления и отводя ему лишь роль используемого средства либо устраняемого препятствия?

Распространены представления о мнимой деидеологизации (причём, «благотворной») современного российского общества и государства (подкрепляемые, в том числе, и содержанием статьи 13 Конституции РФ). Но, во-первых, как было остроумно кем-то замечено, «отсутствие государственной идеологии – тоже идеология». Во-вторых, наличие или отсутствие идеологии надо определять не на основе деклараций, а по фактической направленности действий, по систематически расставляемым акцентам и приоритетам в планах и их реализации, по конкретным результатам и последствиям осуществляемой политики, наконец, по тенденциям в официальных трактовках происходящих событий. На основе этих индикаторов следует констатировать наличие разнонаправленных идеологических течений на разных уровнях российской социальной иерархии с весьма неоднозначным их влиянием на общественные процессы.

Так, объективные социологические исследования обнаруживают, что в современной России нарастает расслоение граждан не только по критерию имущественного и социального положения, но и по степени реализации основных прав и свобод, степени реальной ответственности перед законом, содержанию норм морали и нравственности, пониманию целей и перспектив развития российского общества и государства. Отдаляю-

щиеся друг от друга слои стихийно вырабатывают свои идеологии, в каждой из которых всё явственнее звучат ксенофобские мотивы, укрепляются «двойные» стандарты и «двойная» мораль.

Таким образом, современное состояние и тенденции развития российского общества и государства приводят к стихийному формированию разными социальными слоями и группами идеологических конструктов, повышающих субъективную приемлемость экстремистских и даже террористических способов «решения» актуальных социально-экономических и политических проблем.

В некоторых научных и публицистических выступлениях можно встретить выражение надежды на заполнение идеологического и нравственного вакуума в сознании граждан (особенно молодых), на коррекцию их социально-психологических диспозиций и установок путём религиозного воспитания, приобщения к ценностям, провозглашаемым ведущими мировыми религиями. Тем самым религиозное знание и религиозную веру пытаются противопоставить экстремизму и терроризму, сделать основным средством противодействия этим явлениям.

К сожалению, целый ряд соображений показывают необоснованность и тщетность таких надежд. Не отрицая в целом мощного нравственного, гуманистического потенциала современных мировых религиозных учений, в том числе тех, которые доминируют на российском поле (православие и ислам), необходимо констатировать, что именно религиозная идеология чаще всего становится основанием идеологии экстремистской и террористической. Непрестанно продолжающиеся теракты в многострадальном Ираке (основа – неразрешимый конфликт между шиитской и суннитской ветвями ислама), многолетняя террористическая война в Северной Ирландии (в основе – противоречия между католиками и протестантами), хроническое неблагополучие на российском Северном Кавказе, в Афганистане, в Пакистане, на Ближнем Востоке (идеологическая подоплёка – радикальный ваххабизм и исламский фундаментализм)... К сожалению, именно религиозная идеологическая подпитка чаще всего делает экстремизм и террор регулярными, самовозобновляющимися, повседневными.

Это положение вещей не могут исправить и те высокообразованные и гуманистически ориентированные представители различных религиозных конфессий, которые в своих проповедях и публицистических выступлениях весьма убедительно доказывают (с многочисленными ссылками на священные писания) умеренный, миролюбивый, человеколюбивый, толерантный характер православия, ислама, других религиозных учений. Трудно спорить с тем, что в этих учениях есть весьма ценные и мудрые мысли, идеи, образцы поведения, которые легли в основу нравственности, морали, культуры многих наций и этносов. Но, увы, в религиозных учениях есть не только это.

Ключевым признаком религиозного характера того или иного учения, той или иной идеологии является исключительная опора на веру. Верующий характеризуется иррациональной убеждёностью, эмоционально насыщенной уверенностью в истинности и духовной чистоте именно исповедуемого им религиозного учения. И никакого иного. Плюрализм и религиозность – вещи несовместимые. Религиозное учение обязательно претендует на монопольное владение духовными истинами. Но при этом неизбежно его противопоставление другим, «ложным», «неправоверным» учениям, «ереси». Неизбежно и противопоставление сторонников «своей» и «чужой» веры, «правоверных» и «неправоверных», и т.д.. Очевидно, что до ксенофобии здесь – рукой подать.

Венчает список узнаваемых признаков, присущих религиозной идеологии, непрерывное придание «Большого Смысла» жизни и деятельности верующих. Это может быть усердие в вере (переходящее в фанатизм), борьба за веру (например, джихад у мусульман), это может быть подготовка к загробной жизни, это может быть мученичество за веру, засвидетельствование веры собственной смертью (шахидизм). «Большой Смысл» делает необязательным и маловажным смысл маленький, личный, облегчает мученичество и принесение в жертву своей судьбы и самой жизни ради служения религиозной идеологии и высшим целям.

Опираясь на синергетические представления о самоорганизации систем путём перехода из неустойчивых состояний к устойчивым диссипативным структурам [см. напр. Басимов М.М., 2008], можно сказать, что манифестации широкого гуманизма и толе-

рантности религиозных идеологий характеризуют их неустойчивое, неравновесное состояние, которое может поддерживаться лишь ценой непрерывных балансирующих усилий энтузиастов – гуманистически ориентированных священнослужителей, богословов, рядовых верующих.

И в заключение. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма, на наш взгляд, может заключаться лишь в предложении и распространении другой, принципиально отличающейся идеологии. Эта идеология должна быть теоретически и эмпирически обоснована, предлагать ясные, привлекательные, общественно и персонально значимые цели и смыслы, давать чёткие и реалистичные перспективы их осуществления, опираться на знания о психологических законах и механизмах социального поведения, привлекать сторонников преимущественно путём рационального убеждения, проявлять гибкость, адаптивность, способность к развитию и самосовершенствованию. Её базовыми принципами должны быть научность, безусловная ценность каждой отдельной личности, её индивидуальности и судьбы, социальная справедливость, общественный прогресс.

Список литературы:

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях. – М.: МПСИ – НПО «МОДЭК», 2008. – 432 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
3. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Ауторегуляторная функция криминальной агрессии // Серийные убийства и социальная агрессия: Мат. 2-й Международной научн. конф. – Ростов н/Д, 1998. С. 176-177.
4. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. – М.: Изд-во «КРЕДО», 2008. – 176 с.
5. Ольшанский Д.В. Психология террора. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2002. – 320 с.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – Изд. 2-е. – М., 1976. – С. 253-381.
7. Соколов С.Е. От смысла жизни к смыслу в жизни. <http://nfp.oedipus.ru/node/560>.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2007. – 624 с.
9. Хьюбнер Б. Смысл в бессмысленное время: метафизические расчеты, просчеты и сведения счетов. – Мн.: Экономпресс, 2006. – 384 с.
10. Allport G.W. The functional autonomy of motives. /American Journal of Psychology. 1937. Vol.50. P.141–156.

ON PSYCHOLOGICAL AND IDEOLOGICAL BACKGROUND OF RADICALISM, EXTREMISM AND TERRORISM

S.B. Tselikovskiy

*Southern
Federal
University,
Rostov-on-Don*

*e-mail:
sts@rsu.ru*

The article discusses the role of psychological mechanisms of aggression in creation of background of radicalism, extremism and terrorism.

Key words: psychology, aggression, radicalism, extremism, terrorism.